

Стоило кинжалам сорваться с пальцев, как зал взорвался испуганными воплями.

Особо искушенные стражники уездной управы насторожились еще в тот миг, когда за их спинами закрылись тяжелые створки дверей. Даже стоя на коленях, они ни на мгновение не сводили глаз с Ли Сюньхуаня.

Лишь люди цзянху способны быстро и точно почуять равного себе. В их глазах прославленный мастер с его летающими кинжалами оставался единственной реальной преградой.

В то мгновение, когда Чжао Цзи заслонил собой Ли Сюньхуаня, скрытые мастера мгновенно сгруппировались, натянув нервы до предела.

Они ждали этого броска. Стоило холодной стали устремиться в их сторону, как стражники резко оттолкнулись носками от пола, взмывая в воздух.

Но если бы от удара Малютки Ли можно было уклониться, его легендарное оружие не звали бы Летающим кинжалом Малютки Ли, разящим без промаха.

Спрятавшись за спиной императора лишь на миг, Ли Сюньхуань скрыл само движение кисти. Стоило же кинжалам покинуть его пальцы — цель была обречена.

Взлетевшие стражники один за другим глухо вскрикнули и тяжело рухнули обратно на каменные плиты.

Всё это произошло в один неуловимый миг.

Остальные приставы даже не поняли, что случилось. Им показалось, будто их товарищи ни с того ни с сего подпрыгнули и тут же повалились с пробитыми ногами. Ошарашенные внезапным вызовом к государю, а теперь еще и видом хлынувшей крови, они в ужасе сжались и задрожали, пряча глаза.

Дворцовая стража среагировала мгновенно. Обнажив мечи, гвардейцы взяли уездных приставов в плотное кольцо, уделив особое внимание раненым пособникам.

На всякий случай Чжао Цзи приказал застывшему у дверей юному евнуху:

— Отвори двери. Зови личную гвардию. Объяви, что в зале убийцы.

Мальчишка вострепнулся, рванул створки ворот и закричал во всё горло:

— Сюда! Быстрее! Убийцы в зале! Покушение!

Императорские покои всегда охранялись с особой строгостью: плотные заслоны стояли на каждом шагу. Дежурившие прямо у входа в Зал Гражданской Добродетели гвардейцы ворвались внутрь в ту же секунду. Вслед за ними, гремя доспехами, хлынул поток вооруженных воинов.

И в этот миг случилось непредвиденное.

Один из стражников, находившийся ближе всех к Чжао Цзи, преодолевая страшную боль в разбитом колене, с искаженным лицом заставил себя подняться. С застрявшим в суставе лезвием он совершил отчаянный рывок вперед, набрасываясь на императора, до которого оставалась всего пара шагов!

— Защищайте государя! — истошно взвизгнул юный евнух.

Смертельно напуганный слуга тем не менее закрыл Чжао Цзи собой, выставив вперед хрупкое плечо.

Нападавший поднялся лишь на чистом упрямстве. Перед глазами у негоплыли черные круги, и в этом безумном броске он уже не заботился о собственной жизни. Единственным его шансом было захватить правителя в заложники.

«Раз этот проклятый Ли Сюньхуань ударил без промаха, заговор раскрыт. Даже если тайна пока жива, под пытками эти ничтожества заговорят очень быстро. Это лишь вопрос времени».

Ему нужно во что бы то ни стало вырваться! Бежать, предупредить хозяина, чтобы тот успел принять меры.

Преисполненный ярости, он рванулся напролом. Заметив преградившего путь евнуха, убийца со звериным оскалом скрючил пальцы в смертоносном захвате, метя прямо в макушку мальчишки.

Придись этот удар когтей в цель, от черепа бедного слуги не осталось бы и мокрого места.

Но всё происходило слишком близко и быстро. Гвардейцы просто не успевали добежать, а у Ли Сюньхуаня, стоявшего позади Чжао Цзи, императорская фигура полностью перекрывала обзор.

Жизнь юного слуги висела на волоске.

В этот миг Чжао Цзи резко вскинул руку и одним мощным движением сорвал с собственной головы тяжелый императорский венец. Сжав золотую махину в кулаке, он с размаху обрушил её на протянутую руку убийцы.

Раздался глухой удар — несущую смерть руку отбросило в сторону.

Нападавший опешил.

В этот выпад он вложил всю внутреннюю силу — кости черепа должны были разлететься в щепки! Как этот юный, едва вззошедший на престол император умудрился отразить столь мощную атаку?

Но времени на размышления не оставалось. Прячущийся за спиной евнуха Чжао Цзи, от которого были видны лишь испуганное лицо да плечо, казалось, растратил все силы на это движение.

Его рука мелко дрожала, словно удержать тяжелый венец стоило ему нечеловеческих усилий. И всё же под ошеломленными взглядами придворных Чжао Цзи резко взмахнул оружием — длинные жемчужные нити свистнули в воздухе — и смачно припечатал оцепеневшего убийцу прямо по макушке.

Бах!

Раздался отчетливый треск.

Императорский венец, по сути, обычная корона. От династии к династии её форма слегка менялась, но суть оставалась прежней.

Почти все правители люто ненавидели этот головной убор: тяжелый, неудобный, от него вечно ныла шея. Надевали его лишь в самых исключительных случаях.

Но за всю историю Поднебесной, от сотворения мира до нынешних дней, венец оставался лишь священным символом — эмблемой безграничной власти и величия.

Ни один мудрец, ни один государь прошлого не додумался использовать эту помпезную конструкцию настолько... утилитарно.

Превратить императорский венец в боевой кистень? Seriously?

Чжао Цзи доказал на практике: не просто можно, но и чертовски эффективно!

После второго сокрушительного удара несостоявшийся убийца мешком рухнул на пол, мгновенно потеряв сознание.

Под гробовое молчание придворных Чжао Цзи с самым невозмутимым видом поднял увесистый

головной убор и попытался водрузить его обратно на голову.

Увы, срывать венец было куда проще, чем надевать его заново.

Он предпринял две изящные попытки, но жемчужные нити коварно хлестали его по щекам, а сама корона упорно съезжала набок.

К счастью, окружение императора быстро соображало. Когда венец соскользнул во второй раз, спасенный евнух наконец опомнился. Глаза его наполнились слезами глубочайшей преданности. Бережно, обеими руками он принял реликвию и с величайшим благоговением водрузил её на монаршую голову как подобает.

Едва убор занял законное место, как евнух, точно узрев живое божество, уставился на Чжао Цзи сияющим взглядом и, рухнув ниц, истошно возопил:

— Наш император всемогущ! Небеса хранят Великую Сун!

Шорох стальных доспехов эхом прокатился по залу.

Ворвавшиеся гвардейцы, увлеченные общим порывом, дружно пали на колени. Стык доспехов отозвался шумом приливной волны:

— Ваше Величество всемогущ! Небеса хранят Великую Сун!

Чжао Цзи слегка покашлял.

Он никак не ожидал столь бурного излияния верноподданных чувств. Юный евнух у его ног буквально содрогался в экстазе.

Император не сомневался: не будь здесь придворного этикета, этот мальчишка уже припал бы губами к его сапогам.

«И это мне вовсе не кажется! Этот шельмец действительно потянул губы к моей подошве!»

«Малыш, прекрати... От твоего взгляда мне становится не по себе».

Нападение убийцы не вызвало у него и тени страха, но религиозный пыл слуги заставил поперхнуться.

— Вос... кхе-кхе... восстаньте, — выдавил он. — Поднимитесь все.

Гвардейцы поднялись и еще плотнее сжали кольцо вокруг растерянных приставов, всем своим видом показывая: ни одна живая душа больше не посмеет приблизиться к императору ни на шаг.

В возникшей суматохе один из уездных приставов от страха обмочился.

Понимая, что если паника продолжится, воздух в Зале Гражданской Добродетели станет совершенно невыносимым, Чжао Цзи поспешил взять слово:

— Мы призвали вас лишь ради дознания. Те, кто попал под удар, — подозреваемые в измене. Прочим не о чем беспокоиться. Как только всё прояснится, невиновные смогут вернуться к своим обязанностям.

Успокоив толпу, император повернулся к госпоже Цуй-Дун:

— Вспомни тот день. Кто именно избивал тебя? Сможешь указать на них сейчас?

Женщина уверенно кивнула:

— Да, Ваше Величество. Вот этот, вон тот... и еще тот, с длинной бородой в самом конце ряда...

Она без колебаний указала на семерых или восьмерых человек. Примечательно, что пятеро из них оказались теми самыми «владеющими внутренней силой» притворщиками, чьи ноги Ли Сюньхуань только что пригвоздил к полу.

Чжао Цзи перевел тяжелый взгляд на оставшихся двоих, обычных приставов, не смысливших в боевых искусствах:

— Вы её знаете?

Один из них затрясся всем телом, челюсть его заходила ходуном:

— В-ва... Ваше Величество... П-помилите... Знаем! Знаем её!

— Откуда? — коротко спросил император.

Пристав рухнул на колени и принялся неистово биться лбом о плиты:

— Сжальтесь, Ваше Величество! Пощадите! Это всё господин Хэ! Он приказал!

— И что же он вам приказал? — прищурился Чжао Цзи.

— Нам велели... проучить эту вздорную бабу. Сказали забить до полусмерти, а выживет она или нет — неважно!

Услышав это, стоявший на коленях областной воевода Хэ Цивэй вскинулся, брызжа слюной:

— Наглая ложь! Гнусная клевета!

Но почувявший лазейку пристав тут же заголосил еще громче, тыча пальцем в начальника:

— Государь! Это всё он, пёс-чиновник Хэ Цивэй! Сам измывался над народом и нас заставлял марать руки! Мы лишь подневольные люди, послушаться приказа не смели, а о заговоре и слыхом не слыхивали! Явите милость, Ваше Величество, разберитесь по справедливости!

Всего за несколько мгновений статус Хэ Цивэя в устах подчиненного скатился от уважительного «господин Хэ» до «пса-чиновника Хэ», а под конец тот и вовсе лишился права называться по имени.

Несчастный Хэ Цивэй готов был взвыть от такой несправедливости:

— Ваше Величество! Небеса свидетели! Моя преданность чиста как снег! Гнусная, гнусная клевета!

Именно в этот момент, когда сумятица в зале достигла апогея, а двое обвиняемых поливали друг друга площадной бранью, двери распахнулись и на пороге появился зять государства Ван Шэнь.

— Молчать! — оборвал их Чжао Цзи. — Оба закрыли рты!

Спорщики мгновенно умолкли, обиженно сопя.

Скрип открывающейся двери прозвучал в наступившей тишине неожиданно резко.

Все присутствующие разом повернули головы на звук.

Почувствовав на себе тяжелый взор императора, Ван Шэнь торопливо прошел вперед и пал на колени:

— Верный слуга приветствует Ваше Величество.

Придворные евнухи, испуганные криками о покушении, совсем позабыли о своих обязанностях у ворот, поэтому появление зятя государства обошлось без обычных церемоний и докладов.

Чжао Цзи удивился его визиту, но скрыл любопытство за привычной маской величия:

— Поднимись. С чем пожаловал, зять государства?

Ван Шэнь не упустил случая выслужиться. Решив закрепить за собой звание самого расторопного наушника Великой Сун, он заговорил вкрадчиво и поспешно:

— Ваше Величество, маркиз Чжао Цянь сегодня нанёс мне внезапный визит и потребовал тайно провести его в чертоги дворца. Я полагал, что он жаждет аудиенции у Вашего Величества, однако стоило ему пересечь ворота, как он устремился напрямик в Государственный департамент. С тех пор он не покидал тех стен.

Чжао Цзи, разумеется, прекрасно знал, кто занимает пост правителя Кайфэна.

Маркиз Чжао Цянь и без того находился в весьма шатком положении, а это известие делало его действия и вовсе двусмысленными.

Явиться во дворец в обход императора и запереться в ведомстве — неслыханная дерзость. К чему спешка? И держит ли он вообще государя за правителя?

— Когда это произошло? — спросил Чжао Цзи.

— Только что, Ваше Величество, — ответил Ван Шэнь.

Пока воевода Хэ Цивэй извивался ужом, открешиваясь от улик и свидетелей, его сообщник, правитель Кайфэна Чжао Цянь, уже мчался по коридорам Государственного департамента, пытаясь спасти то, что еще можно было спасти.

<http://bllate.org/book/18987/1910837>